

Литература:

1. Потаев, Г.А. Градостроительство и территориальная планировка. / Г.А. Потаев, И.А. Иодо. // Феникс, 2008.- 286 с.

2. Тетиор, А.Н. Устойчивее развитие города / А.Н. Тетиор ; [Упр. Мэра Москвы, Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информ. Правительства Москвы] – РФ, М.: Наука, 1999. – 195 с. – С. 1-195.

3. Тарасова, Н. П., Индексы и индикаторы устойчивого развития - [Электронный ресурс] / Н. П. Тарасова, Е. Б. Кручина – Режим доступа : www.ustoichivo.ru/i/docs/18/tarasova.pdf

4. Скриган, А.Ю., Опыт формирования системы индикаторов устойчивого развития города / А.Ю. Скриган // Псковский регионологический журнал №9 / 2010 – С. 100 – 109 <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-formirovaniya-sistemy-indikatorov-ustoychivogo-razvitiya-goroda>

5. Sharifi, A. Neighborhood sustainability assessment in action: Cross-evaluation of three assessment systems and their cases from the US, the UK, and Japan / A. Sharifi , A. Murayama // *International Journal of Building and Environment*, Number 72, 2014, p. 243-258

6. Sharifi, A. Viability of using global standards for neighbourhood sustainability assessment: insights from a comparative case study / A. Sharifi , A. Murayama // *Journal of Environmental Planning and Management* 2015, Vol. 58, No. 1 / 2014 - p.1–23

7. Sharifi, A. Changes in the traditional urban form and the social sustainability of contemporary cities: A case study of Iranian cities / A. Sharifi , A. Murayama // *Journal Habitat International* / 2013, p. 126-134

8. Kashani Jou, Kh. Investigating Sustainable Neighborhood Development in Jahanshahr / Kh. Kashani Jou, Fatholoolomi I. // *International Journal of Social, Management, Economics and Business Engineering* Vol:8 No:9 / 2014, p. 2803-2811

9. смарт-код [Электронный ресурс] – Центр прикладная трансекта исследования (The Center for Applied Transect Studies (CATS)) – Режим доступа: <http://transect.org/codes.html>

THE INFLUENCE OF THE ARCHITECTURAL-PLANNING STRUCTURE OF CITIES ON THEIR SUSTAINABLE DEVELOPMENT
Kashirpoor M.M.

Existing indicators for sustainable urban development do not identify the features of cities' planning structures and their architecture. This article examines indicators for evaluating level of city' planning structure development. The proposed system of indicators is derived from the urban planning standards and rating systems such as LEED-ND, BREEAM Community, CASBEE-UD.

Поступила в редакцию 12.01.2015 г

УДК 711.4(476.6-25)

**ЧЕРТЫ СВОЕОБРАЗИЯ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ**

Кишик Ю. Н.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

С помощью ретрогрессивного метода С. Бобинского воссозданы первоначальные планировочные структуры Гродно, Витебска и Могилева. Среди их особенностей выделены: полицентричность, обусловленная наличием нескольких «зародышей» будущих городов; присутствие нескольких своеобразных раннеславянских планировочных образований типа «длинный рынок» и «овальница»; размещение «друг возле друга» фрагментов различных планировочных систем; использование разнообразных приемов организации городского пространства в каждом ландшафтном секторе и др.

Введение. Архитектурная наука, по существу, еще не представила предполагаемую картину становления планировочной структуры белорусских городов. Принято было считать – и в этом отношении основная «заслуга» принадлежит

российским исследователям, – что белорусские города до XVI – XVII веков развивались в общем русле древнерусского градостроительства. Зарождение городов якобы всегда начиналось с возведения замка независимо от существования соседних поселений. Подразумевалось, что все растущие города непременно основывались на зональной иерархической структуре, расширяясь концентрическими дугами от детинца, возле которого формировался торг. Именно в таком виде белорусские города якобы пребывали к моменту их присоединения к Российской империи. Такое мнение равносильно полнейшему отказу в самобытности древнего белорусского градостроитель-

ства. Подобную позицию в свое время занимали немецкие ученые в отношении польского градостроительства, выдвинув т.н. колониальную теорию становления городов.

Выполненное автором исследование ранних этапов исторического развития крупных белорусских городов – Гродно, Витебска, Могилева – заставляет иначе представить процесс становления их планировочной структуры и выделить определенные черты своеобразия в формировании городских комплексов.

Основная часть. Из рассмотренных городов Гродно и Могилев в XVI в. претерпели пространственно-планировочное переустройство, или т.н. локацию. Однако их первоначальная планировочная структура была воссоздана с помощью ретрогрессивного метода, разработанного С. Бобинским [1] и долгое время оставшегося вне поля внимания историков градостроительства Беларуси. Среди общих закономерностей становления планировочной структуры, прежде всего, было выделено преобладающее формирование ранних поселенческих структур типа «град – приселок – торг». В большинстве случаев именно они, а особенно такие их элементы, как грады, послужили «зародышами» развивающихся крупных поселений.

Расселяющиеся на территории Беларуси славяне частично осваивали прежние стоянки, но чаще создавали новые места обитания. Ряд исследователей (П.А. Раппопорт, Г.В. Штыхов) считает, что при этом возникали грады-убежища, которые не были местом постоянного проживания, но служили общинными центрами славян [2, с. 55]. Возле градов развивались открытые приселки длиной до 1 км и более. Но раннеславянские грады и приселки VIII – X вв. располагались обычно не поодиночке, а кучно, группами, даже целыми гнездами [3, с. 25]. В результате древние белорусские города, имели в своей основе не одно, а несколько изначальных поселков. Так, Витебск формировался из нескольких поселений

на территории, разделенной овражно-речной сетью на отдельные ландшафтные сектора. Среди блоков жилой застройки доминировали предположительно два града. В будущем Гродно в уютных и удобно защищенных местах при речных долинах Немана и Городничанки существовало четыре опорных пункта колонизации. На обширнейшей территории растущего Могилева жилые образования функционально и композиционно починались также четырьмя градам-убежищам.

По мере своего роста белорусские города не распадались на «концы» (как часто подобным образом упоминается древний Новгород), а формировались из этих разнообразных фрагментов. Городские комплексы с самого начала их образования были полицентричными, и планировочная сеть объединяла их в целостную систему. Причем, полицентричными они становились в самых разных аспектах: политико-правовом, социально-экономическом, этническом, пространственном. Например, пестрый состав населения складывался минимум из пяти этнических элементов: балтов, восточных славян, западных славян, выходцев из Киевской Руси, представителей разноплеменной Европы. В рассмотренных городах не было тяготения к какому-либо единственному узлу. Наоборот, в них выделялось несколько активных планировочных фокусов. Так, в раннем Гродно один фокус находился на высоком берегу р. Городничанки в просторной сердцеvine бывшей деревни типа «овальница» [4, с. 63]. Второй располагался возле ворот единого комплекса, объединившего град на Замковой горе и хозяйственное подградье. Ряд узлов образовался на отдельных природных площадках по бровке плато над Неманом; притягательным было место и возле переправы через Неман. А в центре растущего Гродно формировалось такое характерное раннеславянское планировочное образование, как длинный рынок (рис. 1).

Многоцентровость планировочной структуры белорусских городов делала ее рассредоточенной, что резко отличало ее от компактно-концентрического плана городов, окруженных стенами. В ранне-средневековом Витебске все основные улицы отдельных районов вливались в формировавшееся центральное ядро или следовали касательно к нему, образующая выразительную цепочку опорных узлов и обогащая композиционные возможности городского ядра.

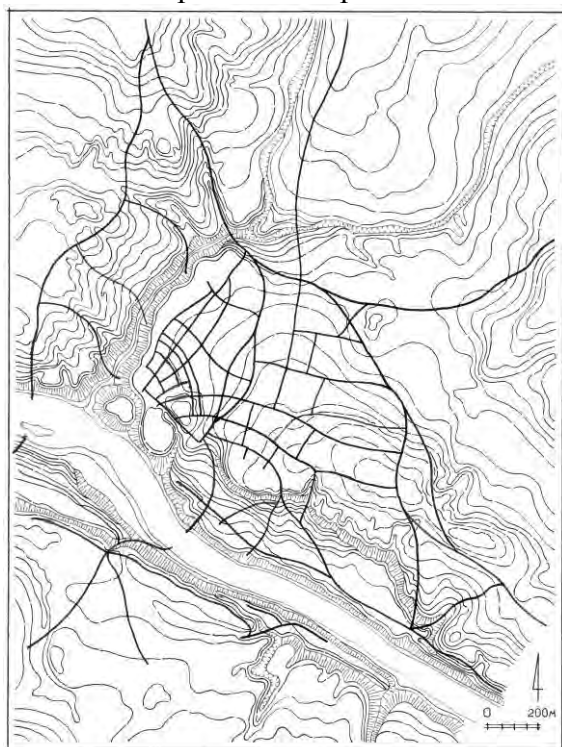

Рис. 1. Планировочная сеть и природный рельеф раннего Гродно

Помимо градов и приселков различной формы и величины в рассматриваемых городских структурах обнаружены иные характерные планировочные элементы. Так, площадь длинного рынка в центре раннесредневекового Гродно на многие столетия стала планировочной доминантой города, определяя специфику рисунка уличной сети. Вобрав подавляющую часть основных городских объектов, замкнув на себе многие транспортные и зрительные связи, это планировочное образование оказалось акцентным среди других фрагментов городского плана. По

мнению Ю.В. Чантурия центральные площади Бобруйска, Кричева, Минска и Слонима также имели в плане своеобразное миндалевидное очертание [5, с. 245].

Другим характерным планировочным образованием в рассматриваемых городах явилась деревня типа «овальница». При некотором внешнем сходстве овальница и длинный рынок принципиально отличались своим происхождением [1, с. 174]. Длинный рынок появлялся в уже сложившемся поселении как новая часть городского организма. Овальница же возникала среди необжитого пространства как один из первичных элементов городской структуры. В Гродно овальница входила в состав первоначальной поселенческой структуры «град – приселок – торг», формировавшейся на оси старинного торгового тракта, проходящего по берегу р. Городничанки. В раннем Могилеве овальница, еще более удаленная от будущего городского ядра, также явилась одним из узловых элементов пространственно развитой планировочной структуры (рис. 2).

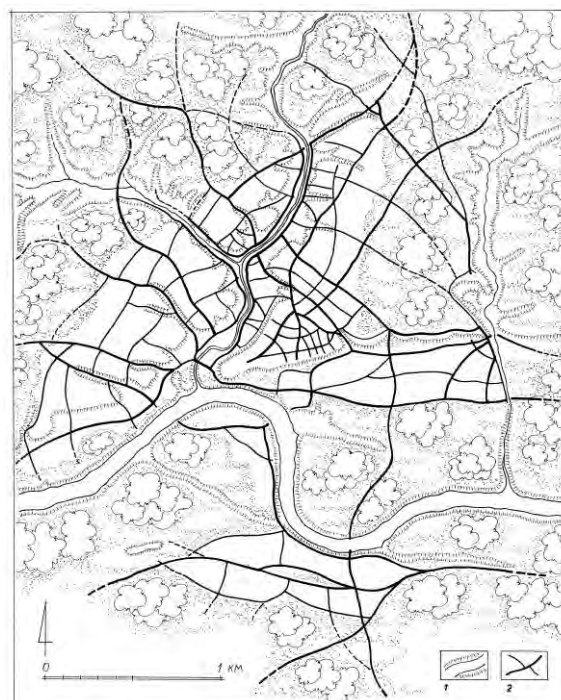

Рис. 2. Воссозданная планировочная структура раннего Могилева

Третий вариант характерного планировочного образования представлен торговой площадью в виде удлинённого треугольника [1, с. 173; 6, с. 181]. В раннем Витебске их было даже несколько, почти в каждом самостоятельном городском районе. И каждый из них долгое время оставался узловым элементом определённого фрагмента городского плана. Треугольный же рынок на развилке дорог в южной части Взгорья впоследствии стал составной частью развивающегося общегородского ядра.

В условиях выраженного полицентризма действовала и другая тенденция – к функциональной и композиционной целостности города. Ведущая роль в этом принадлежала какому-либо характерному планировочному приему, элементу, либо природной доминанте. Например, в Гродно она принадлежала длинному рынку с его активной формой открытого пространства: в функционировании рынка большую роль играло единство хозяйственной деятельности, чем этнические различия населения. Именно длинный рынок позволил соединить в специфических условиях долокационном Гродно несколько самостоятельных планировочных образований. В Витебске акцентную роль в формирующейся городской структуре приобрёл треугольный рынок на Взгорье, имеющий наиболее удобную и просторную площадку, расположенную в срединной части городского плана. В архитектурном отношении средствами выделения ведущих элементов служили не только их центральное местоположение в городе, но планировочные и пространственные связи, сильные вертикальные акценты.

Для рассматриваемых городов была характерна постоянная смена значимости или перенос многих элементов планировочной структуры, опорных узлов, ведущих сооружений. Перераспределение функциональных и композиционных ролей градов-убежищ выразительно демонстрирует ранний Могилев. Так, предысторическая малая крепость на Костерне

дважды отдавала свое ведущее значение в растущей городской структуре цитаделям на горе «Могила», и дважды оно возвращалось к ней. Точно так же происходило перемещение городского ядра. На витебском Взгорье в предысторический период доминировала поселенческая структура во главе с маленьким градом на Плоской горе. Затем новое, более значимое ядро крупной части будущего Витебска формировалось на развилке дорог в южной оконечности Взгорья. К началу же X в. ранний Витебск продолжал развиваться в качестве восточнославянского города уже с новым ядром на Замковой горе. Общими причинами переноса ядра в предысторических и раннесредневековых городах, как считают исследователи, являлись: изменение этнического состава населения, уничтожение родоплеменной знати, нужды торговли и военные мероприятия князей [7, с. 42].

В ходе градостроительного развития переносились и трассы дорог, точнее, изменялась их роль в планировочной системе. Вместо первоначальных извилистых и затесненных проездов появлялись новые, обычно более прямые и короткие. Так было в Гродно с торговым трактом, который в предисторическое время пробирался берегом Городничанки к переправе через Неман. Затем вместо него, загруженного, проходящего через древнюю овальницу, появился другой проезд, ведущий к той же переправе более коротким и удобным путем. Когда же на нем возник длинный рынок, этот путь был заменен окружной объездной дорогой. По такой же схеме в витебском Задвинье менялось значение дорог, ведущих из Полоцка к главной переправе через Западную Двину.

Подобные градостроительные процессы перемещения элементов планировочной структуры заставляют вернуться к теме так называемого «переноса центра». Некоторые российские исследователи (И.Ю. Меркулова, Г.Я. Мокеев) заявили что, по их мнению, структура Гродно и других белорусских городов, «порож-

денная русской православной общиной, отреагировала на усиление национально-го и религиозного гнета» [8, с. 8]. Якобы поэтому торг покинул место возле замка и переместился в середину посада. Опять мы имеем дело с подменой исследования конкретного города общей социологической формулой. Авторы, естественно, придерживались точки зрения, что гродненская земля принадлежала Руси, была завоевана Великим Княжеством Литовским, и никакой белорусской державы не существовало. И если допустить, что в XII-XIII веке русская община в Гродно была, то никакого национального и религиозного гнета еще быть не могло, а между тем длинный рынок уже начинал складываться.

Не национальный и религиозный гнет, а определенные социально-исторические условия, градостроительные традиции и местная природная ситуация явились причинами появления некоторых черт своеобразия белорусских городов, в том числе появления длинных рынков вдали от замка. Предысторические торги в Гродно на берегу Городничанки и в Витебске на Плоской горе во Взгорье не могли обеспечить функциональные потребности развивающегося города, и они были заменены новыми просторными торговыми площадями в срединной части растущих городов.

Роль улиц и дорог в формировании целостного представления о городских комплексах и ориентации в их пространстве, т.е. роль планировки как структурирующей градостроительной системы, безусловно, была главенствующей. В каждом городском районе сложились индивидуальные приемы функционального и композиционного соподчинения фрагментов застройки. Например, в Витебске в таком качестве выступали: одна осевая улица (в Задунавье); развилка основных дорог (на Взгорье); веер планировочных осей (в Заручавье); своеобразная перекрестная система продольных и поперечных улиц (в Задвинье) (рис. 3).

Центральные части городов еще не выделялись вертикалями ведущих зданий. Достаточно было того, что все основные дороги и улицы или напрямую, или через поворот трассы подводили к природной вершине или естественной котловине, где формировалось городское ядро.

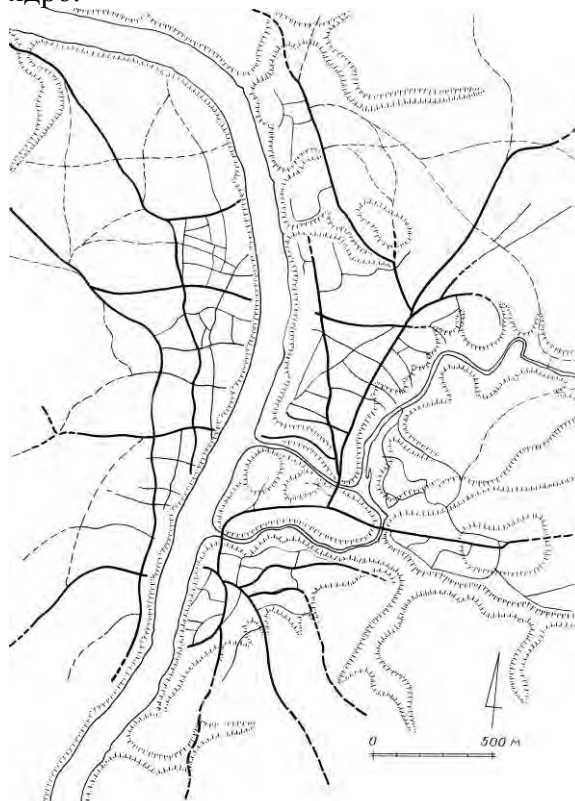

Рис. 3. Реконструкция плана раннего Витебска

Планировочная сеть служила программой и для функционально-структурного построения городского комплекса, и для организованного зрительного восприятия его частей, связывая отдельные впечатления в единый образ растущего города.

Весьма примечательно, что различные системы планировки возникали одновременно, по принципу «одна возле другой», а не по принципу «одна взамен другой», как в среднерусских городах [9, с. 55]. В складывавшейся структуре Гродно сошлись различные системы планировки. Веретенообразное межевание наделов над Городничанкой происходило от традиций сельских славянских поселений. На радиальную планировку повлияла

необходимость сохранить дороги, уходящие от Замковой горы как от вершины треугольника. Порядковая система появилась при вытягивании посадок вдоль доминирующей оси. На возникновение ветвистой планировки оказала влияние функциональная потребность пройти кратчайшим путем из разных точек Подола к воротам третьего подградья. Перекрестная система появилась на компактной и свободной территории под воздействием двух природных координат. Наличие фрагментов с различным рисунком уличной сети, безусловно, придавало городскому комплексу особое своеобразие. Если прямоугольная разбивка улиц несколько ограничивала возможности выделения композиционного центра, то взаимодействие радиальной и ветвистой систем, торговых площадей различной формы, делали план более выразительным, помогая выявить местные фокусы.

Одним из основных источников своеобразия планировочных структур, конечно же, следует считать их соответствие ландшафтной ситуации. Природный ландшафт в каждом случае предоставил уникальные возможности для организации обширного городского пространства. Так, в Витебске природная доминанта – естественная котловина, расчлененная водоразделами и тальвегами, обусловила радиальную направленность основных дорог, что в свою очередь послужило основой для построения радиально-концентрической планировочной сети растущего города. В Гродно планировочная сеть подчинилась прямоугольной системе природных координат и природному модулю, установленному на базе постоянного интервала между отдельными природными вершинами на бровке верхнего плато. В Могилеве планировочный каркас был предопределен направлением основных загородных дорог, которые подчинились системе треугольных координат овражно-речной сети. Наконец, в пределах единых ландшафтных наделов

существовали участки с различной композиционной активностью.

В XVI веке ВКЛ, как и другие страны Центральной и Восточной Европы, испытало мощное обновляющее воздействие идей Возрождения и в меру своих возможностей само участвовало в развитии ренессансной культуры. В качестве важного средства организации городской среды для формирования удобных функциональных и композиционных связей впервые (в Гродно и Могилеве) сознательно была использована планировка уличной сети, построенная по определенным геометрическим образцам (о перепланировке Гродно см.: [4, с. 66–80]). Однако исторически сложившаяся планировочная сеть раннесредневековых, доперестроечных городов также демонстрирует немалое количество разнообразных ситуаций, объективно предоставлявших богатейшие возможности для ее последующей реализации в выразительном объемном, высотном решении капитальной застройки, как это было в западноевропейских городах. Но в городах Великого Княжества Литовского этого не произошло: не появились застройщики с достаточным капиталом, княжеская собственность была очень скромной; практически отсутствовало строительство каменных зданий и сооружений. Капитальная застройка и не могла здесь возникнуть, так как города, особенно оказавшиеся возле границы с Великим Княжеством Московским, неоднократно осаждались и разрушались. Так, в течение одного лишь XVI столетия, в целом наиболее яркого и результативного для развития ВКЛ, Витебску пришлось несколько раз возрождаться заново – в 1516, 1519, 1534, 1536, 1562, 1568 гг.; в 1708 г. по приказу Петра I казаки вообще сожгли всю левобережную часть города [9, с. 575, 581].

Заключение. С учетом количества нестандартных ситуаций, созданных рисунком уличной сети для объемной реализации, планировку рассмотренных ранних городов Беларуси как их первую

структурирующую систему вполне можно отнести к группе с высокой степенью индивидуальности. Она закономерно была обусловлена действием принципов саморегуляции, неизменяемости сложившихся фрагментов застройки и включения их в новую, более сложную структуру, органичного единства с ландшафтной ситуацией, тесного переплетения функциональных и композиционных требований. Соподчинение элементов городской структуры достигалось исключительно с помощью планировки, которая очень рано приобрела черты неповторимости и своеобразия.

Особенности планировочной структуры ранних городов, как правило, оставили след на всю историю их развития. В Могилеве в первоначальном рисунке уличной сети уже предугадывается радикально-концентрический характер его современной планировки. В Витебске сохраняется тенденция формирования городского ядра в чаше природного амфитеатра, начало которой было положено в раннесредневековом городе. Точно так же очевидны и проблемы современных крупных городов, вызванные недостатком планировки ранних городов: совершенно неразвитые связи между самостоятельными районами, расположенными в разных ландшафтных секторах.

В последующие исторические периоды в рассмотренных городах в условиях постоянно обновления застройки, разбросанной на большой территории, последовательно формировались иные структурирующие системы – оборонительных сооружений, высотных доминант, рядовой застройки. К XV же веку определилась стратегия развития планов городов. В последовательном, хотя и медленном развитии древних городов богатство и сложность плана накапливались благодаря тому, что новые образо-

вания дополняли, а не перечеркивали старое, не перекрывали путей к еще не вполне определившимся целям.

Литература

Bobinski St. Urbanistika Polskich miast przedlokacyjnych // Studia i Materiały do Teorii i Historii Architektury i Urbanistyki. T.13. Warszawa, 1975. 192 s.

Штыхаў, Г.В. Крывічы / Г.В. Штыхаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

Древнерусское градостроительство X-XV вв. / ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. – М.: Стройиздат, 1993. – 392 с., ил.

Кишик, Ю.Н. Градостроительная культура Гродно / Ю.Н. Кишик. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 303 с., ил.

Чантурия, Ю.В. Градостроительное искусство Беларуси 2-й половины XVI – 1-й половины XIX века: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю.В. Чантурия. – Минск: Белорусская наука, 2005. – 375 с., ил.

Иконников, А.В. Планировочные традиции в народном зодчестве / А.В. Иконников // Архитектурное наследие, № 14. – М.: Стройиздат, 1962, - С. 159–184.

Самоквасов, Д.Я. Древние города России / Д.Я. Самоквасов. – СПб, 1873. – 165 с.

Меркулова, И.Ю. Трансформация древнерусских городов / И.Ю. Меркулова, Г.Я. Мокеев // Архитектурное наследие, № 34. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 8–16.

Сапунов, А.П. Витебская старина. Т. 1. / А.П. Сапунов. – Витебск, 1883. – 620 с.

**THE ORIGINALITY OF THE PLANNING
STRUCTURE OF THE EARLIER MEDIEVAL
BYELORASSIAN TOWNS**

Kishik J.

Byelorussian National Technical University

The primates planning strictures of Grodno, Vitebsk and Mogilev were reconstruction by means of the retrogression method. Amidst of the characteristic peculiarities of the planning stricture of the early towns were pick out: polycentralization, which cause presence of the several «embryos» of the towns; presence of the several originally planning formations, for example «long market» and «ovalnitca»; presence side by side of the fragments of the different planning systems; utilization of the different methodizes of the organization of the town space in the every landscape sector and so on.

Поступила в редакцию 12.01. 2015 г.